

НИКОЛАЙ КЛИМОНТОВИЧ

СПИЧ

Роман-притча
о вдохновении,
обогащении и смерти!

Николай Юрьевич Климонтович

Спич

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624255
Спич: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46332-9

Аннотация

«Спич» – история старого московского интеллигента, влезшего в долги из-за любовных проблем и вынужденного устроиться спичрайтером к известному суровостью олигарху, чтобы добыть деньги. Трагикомедия – фирменный жанр Климонтовича, и в этом произведении автор верен себе.

Николай Климонтович – один из немногих писателей современности, мастерство которого позволяет ему самым обычным явлениям жизни придавать удивительную философскую перспективу и при этом не терять легкости и иронии стиля.

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	15
7	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Климонтович Спич

В конце ноября или в начале декабря Евгений Евгеньевич уехал из Москвы *в деловую поездку*, как он обмолвился, куда-то на восток бывшей империи. И пропал.

Он уезжал, судя по всему, поспешно, оставив недоделанными необязательные дела и невыполненными случайные обязательства, какими мы все обрастаем после сорока, ближе к пятидесяти.

Поначалу это исчезновение никому не показалось удивительным: Евгений Евгеньевич никогда не отличался обязательностью, он был, напротив, скорее рассеян. Забывал запереть входную дверь, хоть и опасался воров. Принимался, топоча ногами, искать очки, когда они были у него на лбу. Мог позвать знакомую пару на обед, не назначив дату, а вспомнить о своем приглашении только через год, когда на него и обижаться перестали. Но, с другой стороны, не был и легкомыслен, скорее осмотрителен.

Его приживал и конфиденд, секретарь по совместительству, Павел – Паоло для своих, единственный человек, кроме отца конечно, к кому Евгений Евгеньевич прилюдно обращался на *ты*, – успокаивал знакомых. Говорил, что *Женечка* — так называли Евгения Евгеньевича в Москве, это имя было паролем, никому в голову не приходило спросить, *а кто это – Женечка* или *которая это Женечка* – время от времени присылает *эсмэски* или звонит. И с обидой, плаксиво прибавлял, манерно растягивая слова, что деньги, которые *он* оставил, уже *почти кончились*. Так продолжалось вплоть до конца ноября, потом связь прервалась: последний звонок был помечен в телефоне Паоло вторым, что ли, декабря.

По поводу этого исчезновения высказывались сначала иронические, с подмигиваниями, но со временем становившиеся тревожными предположения. Точнее, тревожились два-три близких Евгению Евгеньевичу человека, остальные же обменивались с притворным сожалением сплетнями того сорта, какие передают друг другу более или менее здоровые люди при тяжелой болезни известного им только понаслышке публичного персонажа. Праздные предположения эти были одно другого скабрее, но, как сказано, постепенно стали окрашиваться в тона зловещие. И это неудивительно: в определенных кругах Евгений Евгеньевич был не просто известным, но весьма примечательным человеком.

Для тревог были основания. Эстет, театровед, киноман, человек *вполне себе оранжевый*, как он сам себя рекомендовал, *виньетка на полях культуры*, Евгений Евгеньевич не был приспособлен к долговому и одинокому, опасному, по всей видимости, путешествию, в каковое пустился. К тому же никто, даже Паоло, в точности не знал, на кой черт, собственно, Женечка потащился в эту дикую даль, в край Гога и Магога.

Среди какой-то светской болтовни, когда помимо прочего обсуждалось и это странное происшествие, одна дама брякнула, что, мол, Евгений Евгеньевич всегда обожал Пазолини. Что было преувеличением, то же можно было сказать и о его привязанности к Висконти, Фасбиндеру, Гринуэю, Дзеферелли или даже Берталуччи. А с натяжкой и к Альмодовару. Только не к Тарантино или фон Триеру, этих недолюбливал отчего-то, как и Озона, кстати. Но имя было произнесено, и все вдруг вспомнили о страшном конце экстравагантного итальянца. Что ж, круги, в которых вращался Евгений Евгеньевич, всегда были готовы к испугу и по куда более мелким поводам. И вот, по закону, что ли, первобытной партиципации, все вдруг сделались готовы увериться, что, как и его кумира, Евгения Евгеньевича – убили. И погиб он, шел шепот, быть может, и не на пустынном пляже под колесами мотоцикла возмущенного несостоявшегося любовника из рабочего квартала, оставшись лежать на мокром песке в луже крови с десятью сломанными ребрами, но наверняка и эта жизнь кончилась какой-нибудь страшной и необыкновенной смертью...

Я знал его шапочно. Несколько раз ужинал в ресторане Дома кино за соседним столиком, и мы раскланивались. Встречал иногда в дни пасхального разговения в доме моих соседок по Верхней Масловке сестер Маши и Наташи Достоевских. Но *не тех Достоевских*, как говорили сестры наперегонки при всяком случае с тем раздражением, с каким подросток Долгорукий отрекся от княжеского происхождения. Однако изображение Федора Михайловича с тяжелым лбом, скорбными складками запавших щек и в арестантском халате висело-таки у них в квартире, в тесной прихожей, над зеркалом. На самом деле сестры носили фамилию *Достоевских*. Но когда о них говорили во множественном числе, а порознь о них никто никогда не говорил, то выходили они *Достоевские*, что грамматически неверно, их фамилия во множественном числе не меняет окончания, но кто у нас теперь уважает грамматику.

Собственно, сестры являлись едва ли не единственным для меня источником скудных сведений частного свойства об исчезнувшем театроведе. Были, конечно, и другие более или менее далекие общие знакомые: разудалая радиоведущая, княжна отчего-то, по фамилии Широкая, а также ее редактор и подруга, тоже выдававшая себя за графиню, обе внучки предводителей Союза советских художников разных сталинских лет. Была еще одна журналистка по фамилии Тихая, тоже внучка, но большевистского поэта-еврея, выбравшего себе некогда этот псевдоним, ставший фамилией. Эта самая Тихая была предметом постоянных шуток в узких кругах из-за дедова псевдонима, поскольку была крупных размеров, говорила громким баритоном и обладала буйным нравом, особенно в подпитии. *Тихая и нежная*, с удовольствием говорили о ней за глаза *испытанные остряки*.

Не стоит удивляться, что общими знакомыми у нас были исключительно дамы: Евгений Евгеньевич, как многие люди его предпочтений, для светского общения выбирал не мужские компании, но приятное женское общество. Вот и все мои источники. Впрочем, еще и сбивчивый рассказ одного моего приятеля детства, фотографа Сергея по дворовой кличке Членок, случайно повстречавшего Евгения Евгеньевича в скифских степях, но об этом ниже. Ну и слухи, конечно, сплетни, домыслы. Так что я восстанавливал эту историю из обрывков и лоскутов и за точность деталей не могу поручиться. Но канва событий была именно такова.

1

На завтрак подали едва теплые яйца всмятку, а к скорее холодному, чем теплomu жидкому кофе – пирожок с красной начинкой. Евгений Евгеньевич сел на постели, заткнул салфетку за ворот шелковой в зеленый цветок на черном фоне пижамы, яйца отодвинул, надкусил пирожок: начинка была острая, красный перец и что-то бобовое, пахла грибами. Кажется, нечто подобное давали в гостиничном ресторане, но тогда он есть не стал, так, ковырнул. Потом, впрочем, привык. Более всего начинка эта напоминала приправу к блинам, которые он заказал как-то по незнанию в Вашингтоне в мексиканской харчевне. Но не такая огненная, конечно. Впрочем, о Вашингтоне теперь лучше было не вспоминать.

Официант, средних лет не улыбочивый *кыргыз*, как называли обитателей этих мест старинные русские путешественники, со стальными зубами, был все тот же, молоденьких татарчат после рокового происшествия теперь к Евгению Евгеньевичу уж не присылали. Официантами и охранниками в отеле служили *тартареи*, *тартары* – так называли обитателей бескрайних диких восточных степей в европейском Средневековье по созвучию с греческим Тартарос, *и не в тартарары ли я провалился*, думал наш бедный Евгений. Горничные тоже были из местных, причем все одного какого-то племени, похожие на цыганок. Как бы низшей касты, у которой, догадывался Евгений Евгеньевич, не так сильны были устои и не слишком строги восточные запреты...

И салфетка на тележке была несвежей. И пульт кондиционера так и не поменяли – у этого перестала работать кнопка регулировки температуры, и в спальне было холодно. И позвонить в Москву он не мог – в номере аппарат не соединял с другими городами, а мобильного телефона он лишился. *И сколько крошек в постели*, вспомнил Евгений Евгеньевич, хотя Набокова не любил. В юности не любил, поскольку все любили, было как бы обязательно; потом не любил за то, что и впрямь оказался банален. По свидетельству сестер Достоевских, Евгений Евгеньевич как-то выразился в том духе, что, мол, в конце концов, неустанно бороться с *poshlost*, да еще и попытаться внедрить это слово в английский язык за неимением эквивалента, мог только пошляк. *Пошлец, как говорили прежде. Ибо настоящая пошлость, вроде песенок, которые голосит пожилая певичка, про голубя, бьющегося в стекло, или про любовника, холодного, как айсберг, бывает подчас обворожительно вульгарна, не так ли...*

Жуя свой пирожок с красной начинкой, Евгений Евгеньевич уже в который раз посмотрел с отвращением на аляповатую чеканку, висевшую на стене напротив постели: какой-то, что ли, Ходжа Насреддин на осле широким жестом показывал на дымящийся казан. Давно надо было попросить перевесить эту дрянь хоть в гостиную, но Евгений Евгеньевич все церемонился, боялся задеть обостренные национальные чувства гостеприимных аборигенов.

Татарин, так упрямо называл его про себя Евгений Евгеньевич, поскольку был слаб в этнографии в отличие от многих из обслуживающего персонала отеля, тоже, как и тот мальчик, вполне сносно и внятно говорил по-русски. Быть может, попросить его перевесить, но, скорее всего, украшение интерьера проходило не по татарскому официантскому департаменту. Своим чутким носом Евгений Евгеньевич уловил, что от этого пахло не анашой, но *кикидыком*, как называл для себя Евгений Евгеньевич вонючую жвачку, которую здесь постоянно жевали все местные мужчины старше двадцати пяти. У него еще будет время узнать, что называется жвачка *нас*, это смесь грубо порубленного садового табака, золы и птичьего помета.

Со своим арестантским положением Евгений Евгеньевич уже почти смирился. В *его Рэдингской тюрьме*, как ему нравилось называть свое комфортабельное узилище про себя, многое за последние пустые дни, показавшиеся такими долгими, ему стало даже симпатич-

ным, стокгольмский синдром. Право, жизнь в золотой клетке имеет свои плюсы, подтрунивал Евгений Евгеньевич над собой. К тому не всегда ж его будут держать в этом номере-люкс отеля Halva Palace – номере, который здесь называли отчего-то *президентским*, хотя отель наверняка не видел ни одного президента даже какой-нибудь местной автономии. Потому что ни одному президенту не пришло бы в голову посещать этот заброшенный край, этот угол империи, к тому же давно развалившейся. Что ж, оптимистично думал Евгений Евгеньевич, он выполнил все, что от него требовалось. Получил свое. А досадное недоразумение, которое его здесь задержало, как-нибудь разрешится же. И он убудет восвояси.

2

Чтобы понять, как мог осмотрительный Евгений Евгеньевич согласиться на эту в высшей степени нелепую авантюру, надо кое-что знать о его текущих московских обстоятельствах. Евгений Евгеньевич, как и всякий порядочный человек, был в долгах. *Как в шелках*, прибавлял Павел, любил банальности. Он был должен полторы сотни тысяч долларов очень богатому углепромышленнику по имени Валентин Маклакчук, для Евгения Евгеньевича – Валя.

Маклакчук был больше чем богатый человек, но и не совсем олигарх. Так, магнат, *воротила*, как говорили некогда. Выученик университета Патриса Лумумбы, *птенец гнезда Лумумбова*, как рекомендовал его за глаза Евгений Евгеньевич, экономист по специальности, он после учения распределился на родную Украину и умудрился нарубить там столько угля, что ему хватило вернуться в Москву, купить особняк в Серебряном Бору и начать коллекционировать *Бентли*. Кроме того, походя, он прикупил в подарок жене Оксане одну из центральных российских газет промежуточного общественно-политического направления, которую та мгновенно сдвинула вправо и превратила в рупор прозападного либерализма, который в то время был в моде на их с мужем родине, но с упором на фитнес, шейпинг и шопинг, конечно.

То, что Евгений Евгеньевич стал вести в этой газете колонку, посвященную не столько событиям в мире культуры, сколько светским сплетням, еще не объясняет, каким образом театровед был вхож в закрытый клуб российских богачей. Но и загадки это не представляет. Да и события развивались в обратном порядке: будучи завсегдатаем этого клуба, здесь Евгений Евгеньевич и познакомился как-то с Оксаной Маклакчук, получил предложение писать для ее газеты, а потом уж был представлен ее мужу.

Некогда привел Евгения Евгеньевича в этот клуб один кремлевский царедворец, основатель и спонсор партии, *позиционирующей себя*, как сделалось отчего-то принято выражаться, оппозиционной. Это был витиеватый персонаж, коллекционер попугаев, сам похожий на эту птицу, высокий, худой, клювоносый. Говорили, его коллекция, которую он держал на вилле в Архангельском, – самая большая в Европе, тянет миллионов на пятьдесят. Он, говорили, платит за новый редкий экземпляр до трехсот тысяч, а кормит своих питомцев с собственного языка специально прожаренным зерном, утверждая при этом, что попугай – единственное существо на свете, кал которого не пахнет. Злые языки – в столице ведь сплетничают даже жаднее, чем в какой-нибудь эмиграции, – поговаривали, что этим калом он и сам питается: *про-кремлевская, острили, диета...*

Евгений Евгеньевич и магнат Маклакчук, похожий на одного из репинских то ли запорожцев, то ли бурлаков, сразу же испытали прилив взаимной симпатии. И дело не только в том, что Евгения Евгеньевича несколько пьянил аромат больших денег, исходивший от этих холеных господ, в большинстве только вчера поднявшихся из грязи. Люди предпочтений Евгения Евгеньевича есть везде, отнюдь не только в кругах артистических, как полагает непросвещенная публика. И, конечно же, в высших промышленных, финансовых и политических эшелонах их много больше, чем, скажем, в солдатских казармах. Разумеется, все они женаты, имеют детей, ведут по преимуществу респектабельный образ жизни, что не мешает им на раутах, на горных курортах и в закрытых ресторанах мгновенно опознавать друг друга. Отчасти это и объясняет, отчего магнат Маклакчук так легко одолжил Евгению Евгеньевичу значительную, пусть и пустяковую для него самого, сумму. Сущие копейки, мелочь для этого круга. Впрочем, шепнул он Евгению Евгеньевичу, *дело это наше, мужское, и Оксане не нужно об этом знать.*

Деньги, понятно, нужны всем, но Евгению Евгеньевичу они были нужны особенно. Траты на невинную страсть к антиквариату были сравнительно невелики: Евгений Евгеньевич не только знал наперечет все московские лавчонки этого толка, но и чувствовал себя как рыба в воде на парижском Блошином рынке, тем более что сносно говорил по-французски. Он разбирался в антиках подчас лучше самих московских антикваров и не раз за сравнительный бесценник покупал вещи, которые после небольшой реставрации у него приняли бы обратно втридорога. Домработница-молдаванка работала, считай, задаром. Массаж, сауны, косметичка и визажист влетали, конечно, в копеечку, но основные расходы Евгений Евгеньевич нес на содержание, как говорили некогда, своих *присных*, а проще – прихлебателей. И на заграничные путешествия.

На своем содержании он имел чуть не с десятков взрослых человек. Ну, Паоло не в счет. У Евгения Евгеньевича был семидесятилетний отец-кинорежиссер, который много лет назад потерял работу, плюнул на свою неверную профессию, но продолжал исправно, раз в два-три года, жениться. Ему нужно было подкидывать. К тому же в одном из прошлых браков отца – хорошо, только в одном – у Евгения Евгеньевича образовался братишка, и этого тоже нужно было поддерживать.

Но это были пустяки по сравнению с тратами на возлюбленных. Рассматривая себя в зеркале, Евгений Евгеньевич видел, что стареет, но не паниковал и не впадал в истерику, как это свойственно дешевым педовкам. Лишь старался с мудрой грустью много прожившего и усталого человека преклонить голову перед неумолимым током времени. И *не сдавался*, конечно. Он иронически вспоминал папашу Карамазова, который объяснял недогадливому Мите, отчего ему, старику, нужны деньги: *скоро они по доброй воле сами уж не пойдут*. Одному своему избраннику Евгений Евгеньевич целиком оплатил обучение в Тимирязевской академии – парнишка любил растения и мечтал стать агрономом. Другому купил место бармена не где-нибудь, но на Старом Арбате. Наконец, под нынешнего, Валерку, пришлось приобретать дорогую машину, поскольку, как выяснилось, у парня – мечта стать автогонщиком. Вот на эту самую машину, приобретенную, конечно, на собственное имя, деньги и понадобились. Да еще заплатить кое-что по неотложным обязательствам. Сам Евгений Евгеньевич не только не водил автомобиль, но боялся техники, даже в лифт входил с опаской, и парень получил доверенность, так что теперь у Евгения Евгеньевича образовался и автомобиль, и личный шофер. И немалый по его меркам долг.

Евгений Евгеньевич отчетливо понимал, что покрыть этот долг он никогда не сможет, потому что никакими рецензиями и статьями, разъездными лекциями и сидением в фестивальных жюри он эту сумму не соберет. Даже если сто лет писать Оксане Маклакчук колонки бесплатно – не расплатиться. Но также и понимал, что чем богаче люди, тем менее они склонны долги прощать – на этот счет у него иллюзий не было. А значит, так или иначе, но этот долг рано или поздно придется оплатить. То ли из-за значительности суммы, то ли потому, что Евгений Евгеньевич понимал, что у него в запасе уже нет ста лет, этот долг стал его тревожить: прежде подобные пустяки не слишком его заботили. Ночами, под утро, в бессонницу, ему вдруг стали приходить в голову нелепые фантазии. Вот получил бы он наследство. Но от кого и откуда? Или – не сбежать ли, скажем, в Италию, *отжиться*, так он выражался, по аналогии, наверное, с *отдохнуть* или с *отсидеться*. А что, сдать его четырехкомнатную квартиру в Большом Каретном переулке тысячи за три-четыре *условных единиц*, идиотское ханжеское выражение, нанять домик с розовым садиком где-нибудь под Флоренцией... Нет, и там найдут.

3

В тот вечер Евгений Евгеньевич пришел в клуб совсем разбитым. И не пошел бы, но погнала одна нелепая, но неотвязная мысль: если он не будет *появляться*, то Маклакчук, чего доброго, подумает, что *он меня бегаёт*, как магнат-украинец однажды выразился при Евгении Евгеньевиче про какого-то другого своего должника.

Евгению Евгеньевичу, как человеку мнительному, стало казаться к тому же, что Маклакчук в последнее время стал с ним прохладнее. Было томительно. В таких случаях Евгений Евгеньевич бормотал под нос:

*На Грузию ложится мгла ночная.
В Афинах полночь. В Пятигорске грозы.
...И лучше умереть, не вспоминая,
Как хороши, как свежи были розы.*

Любимое.

Публика была обычная. Генералы спецслужб, банкиры, один бывший хоккеист-чемпион, подавшийся в высокие спортивные бонзы, одна эстрадная звезда мужского, судя по пиджаку, пола, один отставной премьер-министр, очень раздобревший в последний год, потому, быть может, что не умел и не желал учиться кататься на горных лыжах. Вокруг последнего собрался кружок, и дамы наперебой спрашивали его, как экономиста-эксперта, в какой валюте и в каком банке в дни теперешней рецессии держать сбережения. *В чулке, в чулке*, отмахивался тот, *а лучше потратьте, купите шубу...*

— Ой, да куда ж мне повесить столько шуб! — воскликнула с испугом самая молодая из дам. Это была бывшая популярная певица, начинавшая некогда в ресторане, но об этом теперь никто не вспоминал, потому что недавно она вышла замуж за члена совета директоров крупного банка. Ее муж молчал. Жена не знала и не должна была знать, что у банка мужа дела плохи и как раз сегодня он хотел переговорить с бывшим премьером, чтобы тот поспособствовал получить правительственный кредит.

Маклакчук сегодня был без жены. И не обращал на Евгения Евгеньевича никакого внимания: так, кивнул издали. Евгений Евгеньевич взял с подноса проходившего мимо официанта бокал брюты и сделал пару больших глотков, хотя брют терпеть не мог, любил полусладкое. И решил, что на ужин не останется: болела голова, потягивало печень, подташнивало. И тут Маклакчук взял его под локоть.

— Женечка, хочу вас представить одному человечку. Случай редкий, в Москве он бывает нечасто. Настоящий босс. Правда, он у нас немножко того, — отчего-то подмигнул Маклакчук, но, заметив тревожное удивление Евгения Евгеньевича, пояснил: — Немножко татарин. Ну, так ведь и у вас в предках числятся татарские ханы.

И Евгений Евгеньевич покраснел бы, если б сохранил такую способность: как-то по глупости, из снобизма, что ли, он похвастался Маклакчуку своими предками по материнской линии, объясняя приятную смуглость своей кожи и черноту уже седеющих волос, на счет которых никак не мог принять решение: красить — не красить.

— К тому же он прославился тем, что в каких-то теледебатах публично назвал козлом одного среднеазиатского премьер-министра, — продолжал Маклакчук, понизив голос. — Хорошо, не свиньей.

И подвел Евгения Евгеньевича к жадно жующему тарталетку с черной икрой низкорослому господину, весьма плотному. У того был бритый череп, на котором отчетливо белел шрам, похожий на раздавленную медузу, и треугольные желтые глаза хищной кошки. Он

поводил тарталеткой в воздухе и, кажется, говорил сам с собой, то и дело кивая. На фоне чопорной клубной публики, кое-кто был и в смокинге, выглядел он экзотично: в холщовых свободных штанах, в цветастой, не иначе как китайского производства, рубашке навывпуск и в сандалиях на босу ногу. Это было тем более диковинно, что на дворе стоял поздний ноябрь.

– Вот, знакомься, Равиль, это – Женечка, Евгений Евгеньевич, я тебе о нем говорил. Уверю, это тот, кто тебе нужен.

– Евгений Евгеньевич, – невнятно, коротко кивнув, согласился татарин, но руки с двойным золотым кольцом, красного и белого металла на безымянном пальце, руки, поросшей крупным рыжим волосом и занятой тарталеткой, не подал. И сам представился: – Равиль.

Маклакчук оставил их вдвоем.

– Вы, линейно, писатель, – не спросил, а констатировал Равиль. Какой смысл он вкладывал в слово *линейно*, невозможно было понять, но, по-видимому, это означало одобрение. Где его подцепил этот грубый татарин, не иначе как при просмотре передачи «*Очевидное-невероятное*». Равиль говорил с едва заметным акцентом, даже не восточным, провинциальным. Со словарным запасом, видно, у него было неважно. От него шел запах опасности, который Евгений Евгеньевич узнавал за версту. Да и безумцев боялся как огня.

– Скорее журналист, – осторожно сказал он.

– Какая разница! Вы, линейно, золотое перо. – Татарин поднял вверх короткий указательный палец с неровно стриженным ногтем. – Послушайте, у меня есть для вас предложение, оно будет вам интересным.

«*Откуда у этого типа такая уверенность, что его предложение будет мне интересным*», – подумал с раздражением, отметив неправильную речь нового знакомого.

Татарин нагнулся к уху Евгения Евгеньевича и прошептал:

– Работа пустяковая, но гонораром вы останетесь довольны. Сто тысяч в месяц вас устроит? Все организационные расходы за мной. Вот моя карточка, мой офис на Арбате. Знаете, где здесь Арбат?

– Знаю, – подтвердил Евгений Евгеньевич, даже не изумившись нелепости вопроса. И, желая уточнить: – А что, работа займет больше месяца?

– По обстоятельствам. Вылетаете завтра утром. Билет и деньги на первое время получите в офисе у моего секретаря.

Равиль обер о свои холщовые штаны икру, прилипшую к пальцам, запустил руку в карман и протянул визитную карточку, отпечатанную золотом по черному, *как на могильной плите*, мелькнуло у Евгения Евгеньевича. И отвернулся. «*Так вот каким образом Маклакчук решил получить с меня долг*», – понял Евгений Евгеньевич и испытал острое желание бежать без оглядки. Все было подстроено, все за его спиной решено коварным угольным бароном. Евгений Евгеньевич сунул карточку в нагрудный карман пиджака, на дрожащих ногах едва добрался до туалета, и там его стошнило от брюта, которого не приняла его печень, но прежде, конечно, от страха.

4

Для пущей ясности нам следовало бы открыть подоплеку этой странной истории и собрать на Равиля Ибрагимова своего рода досье. Ходить далеко не пришлось, в Интернете оказалось достаточно материала, выдержанного, правда, в жанре агиографии. Самый подробный очерк жизни восточного магната принадлежал перу областной журналистки и был написан несколько лет назад. В повествование вплетены немногословные интервью, которые автор взяла у бывших односельчан и одноклассников Равиля. Я постарался выудить из этого жития зерна, отбросив плевелы явной лести.

Будущий миллиардер родился в оседлой семье в населенном пункте, носившем нелепое название им. Первого Мая, позднее поселок переименовали более удобоваримо – в Первомайский. То есть родился не в юрте, которыми зимой бывала уставлена стылая степь вокруг поселка, но в одной из глинобитных хибар самой бедной здесь махали. Он был вторым по старшинству мальчиком в семье, за ним шли еще три девочки. Своего отца он не знал. Впрочем, мало кто в поселке помнил этого человека, носившего отчего-то имя Филипп, что довольно непривычно для татарина. Странно и то, что Равиль, как сказано, был не единственным ребенком в семье, а значит, этот самый Филипп должен же был время от времени появляться хоть для зачатия очередного отпрыска.

Впрочем, позже мне стало известно, что, помимо отправления супружеских обязанностей, этот самый Филипп занимался и воспитанием детей, как он это понимал. А именно читал им вслух Коран. Это была старая драгоценная книга дореволюционного издания, доставшаяся ему от его отца. Читал он по-русски, хоть в книге и был параллельный арабский текст, но арабского Филипп, конечно, не знал. Он выбирал места наиболее назидательные, и Равилю с детства запомнилось такое, из семнадцатой Суры, таинственно называвшейся *Перенес ночью*:

– *И не ходи по земле горделиво: ведь ты не просверлишь землю и не достигнешь гор высотой!*

Равиль Филиппович знал этот стих наизусть, потому что решил, что старой книге не следует слишком-то доверять: современная жизнь такова, что поступать следует с точностью до наоборот.

Соблазнительно было бы нафантазировать, что отец Равиля был человеком степи и имел несколько семей в разных местах, куда заносила его жизнь вольного кочевника. Для пущей стройности биографии магната можно бы предположить, что его отец был разбойником, конокрадом, угонял чужих овец, присваивал верблюдов. А также держал под контролем систему арыков, собирая дань с оседлых декхан, издавна выращивавших здесь в наиболее пригодных низинах рис и даже тощий хлопок. И могила его неизвестна. На самом же деле, на что глухо намекает авторша, этот самый Филипп был горький пьяница и бродяга и похоронен на поселковом кладбище. Здесь необходимо обратить внимание на этот мотив пусть не полного бастардства, но сиротства при живом отце: нет ли здесь завуалированного намека на чудесное рождение героя. Впрочем, автор этого жизнеописания вряд ли думала о таких тонкостях, лишь добросовестно записывая слова редких доживших до наших дней сверстников Равиля. Эти интервью давались ей, по-видимому, с большими трудами: героический интервьюер должна была дожидаться, пока ее собеседник выпил лишь стакан водки, а не всю бутылку, которую она ему поставила, и этот промежуток был краток.

Дальнейший рассказ тоже ложится в канон апокрифа. Скажем, то и дело упоминается необычайная сила и ловкость подраставшего героя, как положено, случайно и неожиданно, к вящему удивлению матери и односельчан, обнаружившим себя. Причем о первом подвиге сказано вскользь, что говорит лишний раз о том, что авторша плохо чувствовала законы

избранного ею жанра. Речь идет о том, как девятилетний Равиль в одиночку извлек из грязи намертво застрявший в ней грузовик: что-то подложил, налег плечом. Упоминание об этом эпизоде тонет в описаниях кулачных боев Равиля, из которых он всякий раз выходил победителем, о чем на высоких нотах повествует восхищенная журналистка. Здесь она нажимает на то, что с молодых ногтей Равиль зарекомендовал себя лидером: надо понимать так, что уже лет в тринадцать-четырнадцать он был вожаком поселковой шпаны.

Очень важны еще два мотива, которые развивает автор очерка. Первый – это неукоснительная приверженность Равиля трезвости. Нет, дело здесь не в законах шариата, родной поселок Равиля Первомайский в те годы – конец шестидесятых – поголовно спивался. Это неудивительно, если учесть, что жили здесь *советские* мусульмане, давно слившиеся с русскими в то, что прежде называлось *новая общность – советский народ*. То есть порок бежал героя, так надо бы сказать эпически. Впрочем, дело скорее обстояло проще. В глубинной России часто встречаются случаи, когда в одной семье пьющие и непьющие поколения чередуются. То есть дети, глядя на пьющего отца, на горе матери, испытав на своей шкуре все лишения и ужасы, которые несет алкоголизм главы семейства, с молодых ногтей проникаются к водке ненавистью и отвращением. Но и вполне может статься, что просто-напросто организм героя не принимал алкоголя: во всяком случае, по моим данным, будучи уже взрослым и богатым человеком, Равиль никогда не пил ничего крепче шампанского.

Второй важный мотив – мотив неудачливого любовника. Судя по анализируемому нами тексту, Равиль Ибрагимов на этом поприще не был былинным богатырем. Он не был хорош собой, скорее – наоборот, так что все его любовные победы были обеспечены только напором и силой духа. Этому мотиву в цитируемом очерке уделено значительное место. Журналистка отыскала в областном центре и встретила с первой любовью Равиля, Дарьей Сухорук, и остается лишь догадываться, откуда в степном ауле появилась украинская девушка. Наверное, она была из семьи ссыльных, но об этом в очерке ни слова.

Эта самая Дарья Сухорук, судя по всему, была польщена вниманием прессы, но факт связи с Равилем Ибрагимовым начисто отрицала: *у меня с Равилем ничего не было, он только пытался за мной ухаживать, приглашал на танцы, пару раз поцеловал*. К тому же после окончания восьмого класса его избранница уехала из поселка, окончила пищевой техникум и попала в официантки в ресторан центральной областной гостиницы, что было для Первомайского головокружительной карьерой. Впрочем, она отрицала, что именно разница в социальном положении свела к нулю шансы Равиля: *во-первых, я была уже молодой женщиной, а Равиль – просто сопляком, тощим и рыжим, а мне никогда не нравились рыжие, к тому же он был немного помешанный, что ли, но спокойный, задумчивый какой-то, а девочкам нужны хулиганы*. Но проболталась-таки, что позже, когда ее уже давно не было в поселке, а он бросил школу, ей говорили, что теперь Равиль на танцах *мог взять любую*.

Показания разноречивы. Надо ли понимать дело так, что, будучи отпетым хулиганом, в свои пятнадцать он одновременно *мог взять любую*, хотя годом раньше был смиренным соискателем расположения девушки, четырьмя годами его старше. Причем белокожей блондинки – об этом упоминается в очерке, тогда как сам Равиль был рыжим. Отметим лишь, что свой сексуальный путь Равиль начал с фиаско, хоть поначалу и получал, кажется, кое-какие авансы, но позже наверстал упущенное с лихвой. И еще одно важно: не блистательная ли карьера неслучившейся любовницы послужила позже причиной его интереса к гостиничному бизнесу.

5

Еще один мотив всплывает в связи с любовью его старшего брата Усмана к старшей сестре Дарьи Олесе – национальный. Об этой связи сестры Дарья Сухорук рассказывала куда охотнее, объясняя, что *брат Равиля Усман, мы его называли Худым, безумно любил мою сестру, отчасти поэтому и Равиль пытался за мной ухаживать в подражание старшему брату*. Она рассказала также, какой Усман был внимательный к сестре: дарил тюльпаны и катал верхом на лошади. Прочитируем Дарью дословно: «Наш отец был категорически против этой связи, считал, что его русской дочке унижительно связывать свою судьбу с татаринном. Он Олесе по десять раз на день повторял: «Не позорь меня!» То есть будущий миллиардер Равиль Ибрагимов рано столкнулся со своего рода расовой дискриминацией: русские – в данном случае украинцы – считали ни много ни мало *позором* породниться с татаринном.

Итак, Равиль Ибрагимов был рыжий, маленький, безотцовщина, из очень бедной, если не сказать нищей, семьи, не без странностей, причем татарин, – отличный набор объективных обстоятельств для того, чтобы раскалить тщеславие юного честолюбца.

Неугомонная журналистка разыскала и Олесю Сухорук. Она пишет: «В чертах женщины до сих пор заметно, что Джульетта Усмана Ибрагимова была красавицей – тоненькой блондинкой с пухлыми губами». Олеся в отличие от младшей сестры была разговорчивее и прямее. Сразу согласилась, что, мол, да, была любовь. «Как мне за него от отца доставалось! Помню, с автобуса на остановку раньше выскакивала, чтобы провожать не увязался. А то отец увидит – беда. Но все равно тайком встречались. Помню, Усмана в армию провожали, я даже сознание потеряла».

Продолжение этого интервью не имеет прямого отношения к герою, но проливает свет на тамошние нравы, на обстановку, в которой рос будущий магнат. Вот кое-что из интервью с Оксаной Сухорук.

- А Равиль Ибрагимов в армии служил? – спрашивает журналистка.
- Нет, не служил. Точно не служил.
- Почему?
- Откупился.
- Но разве в те времена можно было откупиться? Шла Афганская война...
- За большие деньги можно.
- А что, у Ибрагимова в восемнадцать-двадцать лет были большие деньги?
- Были.

Показательна история самой Оксаны. Она вышла замуж за человека, которого одобрил отец. Сейчас она вдова: *местные малолетки вымогали денег и полгода назад отрезали мужу голову*.

6

Итак, будучи четырнадцать с небольшим лет, Равиль бросил школу. То есть не закончил даже восьмилетку. Еще пару лет, до получения паспорта, Равиль болтался в Первомайском, нигде не работая, и только потом подался в город. Эти два года очень интересовали очеркистку, но она столкнулась с тем, что ни один из тех выживших его сверстников, кого удалось обнаружить, не пожелал рассказать ничего вразумительного. Они только восхищались Равилем, с гордостью рассказывали, что он пообещал бывшим односельчанам разбить на центральной площади сквер и устроить фонтан. И что построил для матери на месте хибары, в которой родился, золотой дворец в виде башни с полумесяцем на шпиле. И дворец этот издалека, из степи, сверкал на солнце, как сказочный минарет. Впрочем, мать *просила родной дом не сносить*, но Равиль сказал жестко, что, мол, *нам старья не надо*. Отметим этот мотив безжалостного прощания с прошлым – в отличие от многих людей его жесткого склада Равиль не был сентиментален. Впрочем, он оставил в целости глинобитный дувал, через который перемахивал в детстве, когда сбегал из дому кататься с мальчишками постарше на *баллоне* в единственном здесь арыке.

Наивная очеркистка умоляла найденных ею с трудом свидетелей юности Равиля рассказать *хоть что-нибудь безобидное*. И один буркнул: *безобидного не было, одно обидное*. Что ж, история с отрезанной головой мужа, которую рассказала Олеся Сухорук, помогает составить объективную картину того, что происходит в областном центре в наши дни. А как жил поселок Первомайский в годы младости магната Ибрагимова, лет тридцать назад? Судя по всему, царившие тогда нравы были еще более жестокими, если это возможно.

Вот как реконструирует журналистка жизнь поселка со слов одной из одноклассниц Ибрагимова Усмана. «Во времена нашей молодости еще хуже было! Убивали в поселке многих. У нас тут стрельбища такие были! Заказные убийства. На мотоцикле едут с обрезом – через забор стреляют. Вот мой друг – Утенок, по молодости встречались, он потом с Аликом Греком работал, – так его и расстреляли. Ибрагима Махмудова тоже убили. В одной компании с Аликом был. У нас на поселке молодежь тогда модная и крутая была. Именно мой возраст. Все были крутые. Те, кто жив остался, сейчас удивляются: как это Равиль смог пробиться и не погиб? Почему у других не получилось? Значит, была рука, которая его тащила. Я вам скажу, даже в горисполкоме у него связи были». Скорее всего, это уже из области мифологии: какая у татарского юноши из нищей семьи могла быть *рука в горисполкоме*. Наверное, ближе к истине предположить, что уже в юности Равиль приглянулся кому-то из местных уголовников постарше: он же был заводилой среди подростковой шпаны и столь высокоодаренный, подающий большие надежды юноша не мог остаться незамеченным. Собеседница журналистки продолжает: «Это моя компания была, мои друзья. Равиль у нас был самый юный. Его брат Усман привел. С Брагиным работали Утенок, Фарид, еще один, грек, кажется, все трое убиты. Вадим Раббибулин вместе с Равилем боксом занимался – тоже убитый». Нам пригодится и эта деталь: маленький и, наверное, не слишком сильный с детства Равиль Ибрагимов не только шился со шпаной, но не пил и занимался боксом. То есть характер имел твердый и целеустремленный еще в юные годы.

Журналистка задает уже совершенно ненужный вопрос: остался ли кто-нибудь в живых из той, ранней компании, в которой вращался Равиль. «Несколько людей. Ринат-Журавель живой, на поселке живет. Еще я осталась. Я их всех хорошо знала. Алик как-то мне говорит: «Девочка, если ты будешь болтать, сама понимаешь...»

По данным поселкового Совета, которые приводит очеркист, в поселке Первомайский мужчин 40–50 лет нет. *Спились, скололись, сели, убиты*, так объясняют эту демографическую

особенность местные. «Ищите их на кладбище», – сказал один вполпьяна мужичок едва постарше Ибрагимова.

Но и этой корреспондентке, при всей въедливости, не удалось приподнять завесу над годами жизни Равиля Ибрагимова от того, как он бросил школу, до того, как в областном центре в двадцать с небольшим стал директором крупного кооператива. Она пишет, что *те, кто знал в те годы Ибрагимова, предпочитают держать язык за зубами*. Никто не может вспомнить, к примеру, занимался ли хоть чем-то легальным Равиль в юности.

– *Работал ли после школы?*

– *Не знаем.*

– *Учился хоть в техникуме?*

– *Вроде да.*

– *В армии был?*

– *Да нет вроде.*

– *Почему?*

– *Кто его знает...*

Похоже на соблюдение закона омерты. Но скорее на страх, если не ужас, который вызывало в его родных местах имя Равиля Ибрагимова. Но ужас восхищенный – так относятся к суровым богам, от которых, впрочем, можно ждать и неожиданной милости.

7

Как ни странно, в биографии театроведа Евгения Евгеньевича было нечто, напоминающее жизнеописание магната Равиля Ибрагимова. А именно – частичное нищенское почти сиротство: Равиль не знал своего отца, а Евгений Евгеньевич никогда не видел свою мать, которая скончалась через неделю после тяжелых родов. И со своим отцом познакомился, а позже сблизился, будучи уже складным и высоким, умным юношей. Его воспитывала бабка по материнской линии и тетка, старшая сестра матери, нрава крутого, но благородного. Так как свое *ханское происхождение*, бравшее начало то ли в зыбучих песках Кызылкумов, то ли на просторах Великой степи, Евгений Евгеньевич получил по материнской линии, понятно, что и сестра матери обладала светло-оливкового оттенка кожей и восточным разрезом темных глаз с голыми нижними веками. Она и в пятьдесят была пикантна, но давно утратила к мужчинам какой-либо, кроме близости по духу, интерес, сделалась сурова. Хотя когда-то, возможно, не была синим чулком и, если верить словам ее давней безмужней подруги, в молодости *дрозда давала*. Замужем тетка тоже никогда не была и своих детей не имела.

У нас нет надежных источников, которыми можно было бы воспользоваться, чтобы представить себе детство театроведа. Известно только, что оно было печально и бедно. Своего деда по матери, инженера-путейца, он тоже никогда не видел: потом выяснилось, того расстреляли еще перед войной. В детстве Женечки деда почти не поминали: только потом ему стало известно, что дед был мало того что дворянин, но и воевал какое-то время у Колчака, хоть и дезертировал. Женщин, опекавших маленького сироту и существовавших на копейки, – отец в те годы начисто отсутствовал в жизни сына, вращаясь в вихрях кинематографического существования, – хватало лишь на то, чтобы приучить Женечку к чистоте, к книжкам, заставить полюбить театр и развить деликатную природную интеллигентность.

Притом, что Женечка рос у *подола*, в детском его облике – об этом свидетельствуют две фотографии, одна с плюшевым мишкой, прижатым локтем, другая с детской ямочкой на левой щеке, попавшиеся мне на глаза, – не было и тени робкой пугливости. Напротив, его облик поражал общим выражением ясности. Это впечатление оставлял прежде всего не детски отчетливый взгляд; не умудренный и тоскливый не по возрасту, как бывает у отягощенных ранним насильственным развитием детей, но спокойный и прямой взгляд мальчика *из хорошей семьи*, как выражались давным-давно, сто лет назад. Красивого мальчика, добавим. Глядя на эти фотографии, никто не подумал бы о бедности, взгляда не перевел бы с этого на редкость миловидного личика на потертую мелкого черного вельвета курточку.

Жили они в двух больших проходных комнатах в небольшой по московским масштабам коммуналке на Садовом кольце, недалеко от Курского вокзала, прямо над кинотеатром «Встреча». Потолки в квартире были высокие, коридор просторный. Была огромная прихожая, в которой висел на стене один на всех жильцов черный телефонный аппарат. Соседи были люди странные, но милые. Оперный баритон по фамилии Савойский, списанный в филармонию, по утрам громко фыркал в общей ванной и все время пел: «*Я тот, которому внимала*», даже в телефонную трубку. А при встрече с Евгением Евгеньевичем в коридоре: «*Не плачь, дитя*», тоже из *Демона*, хотя Женечка плакал редко и украдкой, баритон этого видеть не мог. Тихая одинокая старуха Лиза Моисеевна, отсидевшая семнадцать лет в лагерях, была, по слухам, бывшая красавица и жена какого-то полковника с Лубянки, Женечке хотелось, чтобы разведчика. Веселый холостой священник с русой бородой по смешной фамилии Карасиков под черной рясой – Женечка подглядывал не раз – носил синий тренировочный костюм, каких тогда было не достать и в ГУМе. И Евгений Евгеньевич с теткой и бабкой – вот и все население. То есть Женечка на всех в квартире был единственный ребенок, и на баритона – неунывающего ценителя Рубинштейна, и на священника, который был

в непонятном для Женечки состоянии *целибата*, как выражалась тетка, и на старуху *из бывших*.

Бедно жили все, но Женечке после одного случая стало казаться, что они – всех беднее. Это невозможно стыдное детское воспоминание, на сторонний взгляд – сущий пустяк, мучило Евгения Евгеньевича всю жизнь. Однажды бабушка достала свою цигейковую шубку – хорошие шубы ушли в Торгсин еще перед войной, – обдав Женечку легким запахом нафталина. Они шли в Большой на утреннего *«Щелкунчика»*. Какая рождественская елка стояла на сцене в первом действии, огромная и нарядная. И как гибок был Арлекин. И это волшебное превращение парадного зала в зимний лес. И дворец сластей. И фея Драже. И смешной китайский танец Чая... В гардеробе было много разряженных довольных детей и нарядных взрослых. И вот, когда они добрались-таки до стойки, где пожилые задерганные гардеробщицы суетливо пытались отделаться от публики поскорее и покрикивали *«бинокль брали»*, Женечка вдруг, ни с того ни с сего, оглянулся на бабушку. И неожиданно ему стало до слез стыдно такого знакомого бабушкиного заплатанного, как у какой-нибудь нищей из Диккенса, шерстяного темно-коричневого платья с пожелтелым от старости кружевным воротником. Именно из Диккенса, что было особенно жалостливо. Было жалко и ее, и самого себя. И стыдно еще и потому, что в этом платье бабушка, единственный человек, которого Женечка любил, показалась ему слабой и *беззащитной*.

Это воспоминание долго жгло и мучило. Так что духовная сторона жизни с детства была повернута к Евгению Евгеньевичу своей уязвимой изнанкой, а о силе духа умных и тонких богатых людей он мог лишь читать у Толстого. Возможно, поэтому много позже, став взрослым, он тихо возненавидел опрятное *почти монашество* и сладострастное самоограничение *порядочных* людей. Этот вечный соблазн русского смирения, страдальчества, кротости, так манивший не только Достоевского, но даже и Тютчева, был не просто неприятен, но казался глупостью. *И отвратительное русское юродство*. По свидетельству сестер Достоевских, однажды они услышали из уст Евгения Евгеньевича – в разговоре, кажется, о *Зияющих высотах* – филиппику об *интеллигентах от пивного ларька* и *ханыжских опрошценцах*, но это была минута раздражения. Чаше он бывал мягче и с милой улыбкой отклонял приглашения на дачу, когда узнавал, что там нет теплого сортира; и обаятельно, как бы в шутку, прикрывая рот ладонью, язвил в сторону по поводу *интеллигентской дачной самоупоенности жертвенной бедностью*.

Привычка прикрывать рот ладонью, когда смеялся, осталась у Евгения Евгеньевича с юности, поскольку у него с детства были скверные зубы – *искусственник*. Зубы давно были поменяны, но привычка осталась, казалась даже обаятельной, складывалось впечатление, что Евгений Евгеньевич острит именно для вас, доверительно, по секрету, и собеседнику делалось приятно: Евгений Евгеньевич как бы намекал, мол, мы-то с вами умные люди, мол, мы-то понимаем. На самом деле это у Евгения Евгеньевича получалось произвольно...

Но дело было сделано: сладким ядом театральной поддельной пышности маленький Евгений Евгеньевич был отравлен. Книги, обнаруживая удивительные способности и не менее удивительную память, уже лет в двенадцать научился читать, что называется, *по диагонали*. В Пушкинском застывал перед Тулуз-Лотреком, а в Третьяковке вдруг заплакал, глядя на готовящиеся завянуть, с траурной каймой на лепестках, розы с натюрмортов Куприна. Он был не просто, что называется, *чувствительный мальчик*, но мальчик, обладавший какой-то необыкновенно подвижной и жадной восприимчивостью и, конечно, много развитее и умнее своих сверстников.

До двенадцати лет в школу Женечка почти не ходил – в этом не было никакой надобности. Позже, став взрослым, Евгений Евгеньевич иногда ностальгически вспоминал то уютное наслаждение, которое он получал от самообразования, как от чего-то мягкого, шерстяного, почти плотски теплого, домашнего, как тетнины рейтузы зимой. Уже лет в тринадцать

он знал так много, что учителя побаивались задавать ему вопросы. На почве его всезнайства иногда случались конфузы: учительница географии, дура и старая дева, однажды на уроке побагровела и побежала чуть не в слезах жаловаться начальству, после того как простодушный мальчик из самых благих побуждений поправил ее в вопросе стока рек Амазонского бассейна. Так что лучше было держать Женечку дома – от греха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.